

Известия. — 1993. — 18 июня. — С. 7.

Русская идея Александра Сокурова

Ирина ГРАЩЕНКОВА, искусствовед

Во время Московского международного кинофестиваля, который открывается 1 июля в киновидеоцентре «Москва», Российская общедоступная киноакадемия планирует провести показ фильмов Александра Сокурова. В том числе премьеру только что завершённой им работы — это шестой фильм его историко-философского цикла «Элегии»: «Элегия из России... этюды для сна».

Этот фильм — ещё один пример сокуровской документалистики — предельно субъективной, пронзительно исповедальной. Элегию, с её простотой, задумчивостью, скорбностью, человечностью, Сокуров ощущает как русскую эмоциональную форму. Именно в нее он облек свои позиции историка (а этот кинорежиссер — историк не только по первому университетскому образованию, но и по складу мышления, интересам), свои чувства и откровения художника. Героями его «Элегий» были великие русские творцы Ф. Шаляпин и А. Тарковский, политические лидеры современности Б. Ельцин и В. Ландсбергис.

Мучительный исторический путь России, место культуры в ее истории, трагические судьбы лучших ее людей, драматические и разрушительные взаимоотношения народа и художника, народа и власти — вот круг авторских размышлений в «Элегиях». Сокуров как бы экранизирует свое понимание России и отношение к ней, свою русскую идею. Ее завещал нам Николай Бердяев, именно так назвав свою предсмертную книгу — «Русская идея: Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века». Вот уже XX век мчится к финишу, а русская идея снова столь жизненно актуальна и для нас, и для всего мира.

В центре нового фильма — безымянные люди, каких много прошло и пройдет еще по земле России. Ее народ. Фотографии Максима Дмитриева конца XIX века, запечатлевшие мгновения жизни в природе, в быту России: дети, старики, артельный люд, храмы, избы, монастыри, фабрики, бутылки водки, лапти, иконы... Западноевропейская кинохроника начала XX века, запечатлевшая мгновения смерти в огне первой мировой войны, в ее окопах, лесах, болотах. Люди, бессмысленно уничтожающие друг друга...

Эти люди, которых давно уже нет, словно переживают вторую жизнь благодаря особому сокуровскому дару одухотворения. одушевления неподвижной фотографии, безмолвной кинохроники. Его мысль, его чувство,

его взгляд материализуются в крупном плане, панораме, детали — и люди оживают, входят в нашу жизнь.

Кадров, снятых сегодня, совсем немного. Это в основном природа — река, лес, вековые папоротники, зловещее грозное небо. А вот люди... Сокуров снимает самых страдающих, безнадежно больных — в хосписе. Они, один за другим, уже ушли из жизни, но остались в ее экранном воплощении — в фильме. Смерть свершается за темным пустым экраном, за мучительно долгим кадром. Она невидима, но ощутима, слышна в прерывистом, жестком дыхании умирающего. И вспоминается, как, говоря о болезни Андрея Тарковского, Сокуров говорил и о затрудненности дыхания в России; о том, почему именно здесь так часто приходит к людям неизлечимый недуг, унесший и жизнь Тарковского...

Грань между прошлым и настоящим, смертью и жизнью так зыбка. И как последнее прощание, как символ их нерасторжимости — на экране две руки, одна в другой: в руке автора фильма — рука только что умершей женщины, рядом с которой он был в эту минуту. Знаменитые сверхдолгие сокуровские кадры... И тут уже стирается грань между жизнью и искусством, и пока длится этот кадр, в душе твоей поднимается столько глубоко спрятанных чувств, воспоминаний...

Сокуров не увлекается формообразованием, образный язык его фильмов прост. Сложна рождающаяся из него экранная речь. Потому что глубок и философичен мир его идей. Потому что необычна и возвышенна главная тема его творчества, обращенная к существу жизни, — тема смерти. Он не художник сумрака, не певец смерти. Он постигает ее сам и помогает постичь другим.

Лев Толстой, много думавший и писавший о смерти, как-то сказал: «Все мысли о смерти нужны для жизни». Нашей сегодняшней, суетной, для многих потерявшей ценность и смысл жизни, эти мысли нужны особенно. Чтобы жить, а не существовать.